

История психологии

Светлана Новоселова

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс — гордость отечественной науки

Ученый

Плоды научного творчества Н.Н. Ладыгиной-Котс уникальны, они имеют непреходящую ценность. Она не была сторонницей того или иного течения в науке, ей была чужда конъюнктурность. Она всегда была сама собой и в науке, и в общественной деятельности, и в частной жизни. Все стороны бытия Н.Н. Ладыгиной-Котс были освящены глубоко личностным, мощным познавательным мотивом. Ее капитальные труды «Исследование познавательных способностей шимпанзе» (1923), «Приспособительные моторные навыки макака в условиях эксперимента» (1926), «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях» (1935), «Развитие психики в процессе эволюции организмов» (1958), «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян» (1959), «Предпосылки человеческого мышления (подражательное конструирование обезьяной и детьми)» (1965), многочисленные статьи, опубликованные в отечественных и зарубежных изданиях, а также не изданные до сих пор рукописи (в их числе книги «Инстинкт» и «Различение количества у животных») составляют не только исторически заметную главу нашей отечественной науки, но и необходимую сегодня нравственную основу научного поиска.

Н.Н. Ладыгина-Котс оставила большой архив: черновики и варианты статей, глав, эпистолярный, содержащий ко-

пии ее писем к виднейшим общественным и научным деятелям России, США, Англии, Германии, Франции и др., а также их ответные послания; дневники научные и частные, поэтические пробы пера; эпохальный научный фото- и киноархив, — свидетельство научной и культурной жизни Москвы и России более чем за половину XX в. Этот архив хранится в Государственном Дарвиновском музее, у сына — Р.Ф. Котса, в Государственном Пензенском краеведческом музее, у родных и близких выдающегося ученого, ее учеников.

Труды и архив Н.Н. Ладыгиной-Котс — бесценное богатство ее личности, целеустремленной, глубокой, гуманной. Сама Надежда Николаевна была настоящей красавицей с одухотворенным лицом, пышной волной прекрасных волос. В молодости и в зрелые годы она романтично одевалась, бывала в обществе. С годами внешний облик Надежды Николаевны становился строже, но простота, грация и особый стиль радушного, но дистанцированного обхождения великолепно воспитанной русской женщины конца XIX — начала XX века сохранились в ней до конца.

Архивы Н.Н. Ладыгиной-Котс, личные, до поры скрывают от научной общественности замечательные страницы истории дарвинизма в нашей стране и за рубежом; страницы, проливающие свет на судьбы многих отечественных ученых и важные научные и частные эпизоды их жизни. Главное в этих архивах — это чистота, отсутствие всего суетного, научная и жизненная точность. Историк науки и тот, кто пишет о жизни замечательных людей, не должны в наше время оставлять эти материалы без внимания.

Следует специально отметить особую быстроту (не суетливость) Н.Н. Ладыгиной-Котс в повседневной жизни, при выполнении работы за письменным столом и в экспериментальной лаборатории. Вся жизнь в труде и без малейшего намека даже в преклонные годы на неврастеническую несобранность. Колоссальный труд каждый день, но без заметных признаков усталости, когда бы к ней не пришли ученики или сослуживцы. Если Надежда Николаевна болела, то обычно после некоторого охранительного времени перебиралась в кресло и продолжала работу за письменным столом, либо наоборот, бумаги перемещались в постель и очень удобно раскладывались по всей ее поверхности и ря-

дом, чтобы быть под рукой. При этом ни тени демонстрации усердия или мученичества — все естественно, просто, по-деловому. Обстановка рабочего кабинета в том виде, как я застала его в начале пятидесятых и вплоть до кончины Надежды Николаевны, была необычной: она сочетала в себе рационализм и загадочность замковой библиотеки с романтизмом салона любителя искусства и редкостей, стремлением хозяйки сохранить рядом на фотографиях каждый миг жизни — своей, членов семьи, тех великих и близких, с кем она общалась. В наше время столь же романтичным был на моей памяти и служебный кабинет В.Д. Шкловского. В кабинете Надежды Николаевны веял дух музы науки и любви ко всему живому. Не случайно две литографии в старинных простых деревянных рамах (выше многих других) занимали центральное место на стене ее кабинета: Диана с животными, любовно заглядывающими в ее лицо, и ангел, скорбящий над телами погибших птиц.

Жизнь и научная деятельность русского натуралиста, убежденного дарвиниста и психолога Н.Н. Ладыгиной-Котс, выдающегося ученого, незаурядной цельной личности, человека большого ума, такта и скромности, могли бы стать примером целеустремленности для каждого, кто избрал науку смыслом своей жизни.

Н.Н. Ладыгина-Котс родилась 19 мая 1889 г. в Пензе в семье бывшего крепостного крестьянина, позднее известного учителя музыки и пения Пензенского реального училища. Среднее образование получила в Пензенской гимназии. В 1908 г. она поступила на Московские высшие женские курсы, которые окончила в 1917 г. В этот счастливый период она путешествовала со своим учителем и мужем А.Ф. Котсом по музеям Европы, а также проводила эксперименты в основанной ею зоопсихологической лаборатории с макаком-резусом, собаками, попугаями и шимпанзе Иони. Отчет о деятельности лаборатории был опубликован отдельным изданием в 1921 г.

Первые шаги в науке и дарвинизм Некоторые свои впечатления о посещении дома в Англии, где родился Ч. Дарвин, Н.Н. Ладыгина-Котс выразила в брошюре «В отчизне Даунского отшельника» (1914). Ее, как и многих ученых того времени, заинтересовали эксперименты, проводившиеся в Германии К. Краль. Материалы посещения Н.Н. Ладыгина-Котс опубли-

ковала в книжечке «У мыслящих лошадей» (1912), где выразила достаточно критическую оценку сенсационных успехов умных лошадей.

Н.Н. Ладыгина-Котс была достойным продолжателем дарвиновской традиции в науке, нашедшей в России второе рождение. Являясь ученицей русского дарвиниста, профессора Н.К. Кольцова, она вместе со своим мужем А.Ф. Котсом стала сооснователем Дарвиновского музея в Москве. Этот музей с момента его основания вплоть до наших дней ведет большую работу в области популяризации и дальнейшего развития идей этого выдающегося ученого. Н.Н. Ладыгина-Котс неоднократно обращалась к идеям Ч. Дарвина, развивая их в своих работах.

Н.Н. Ладыгина-Котс своими трудами заложила фундамент нового раздела психологической науки — психологии антропогенеза. Этот путь был избран ею во многом благодаря работам Дарвина. Она писала: «Велика была роль трудов Дарвина в освещении проблемы антропогенеза. Но в наше время, с благодарностью вспоминая колоссальные заслуги Дарвина перед материалистической наукой, мы обязаны уточнить решение проблемы антропогенеза, опираясь при этом на диалектический материализм...»

С именем Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс связаны расцвет развития отечественной и мировой психологии, приматологии и антропологии в разделе, касающемся антропогенеза. Ее заслуги в области зоопсихологии, детской и сравнительной психологии были широко признаны и оценены по достоинству ее современниками. Уже первая книга Н.Н. Ладыгиной-Котс привлекла внимание крупнейших ученых Европы. Е. Клапаред в «Архивах психологии» (1924. Т. XIX. С. 191—192) писал: «Этот роскошный том, украшенный прекрасными фотографиями, излагает терпеливые эксперименты, выполненные в Зоопсихологической лаборатории дарвиновского музея в Москве г-жой Н.Котс над шимпанзе. Мы искренне надеемся, что г-жа Котс сможет скоро опубликовать продолжение своих исследований, которые представляются образцом терпения, осторожности и вдумчивости в истолковании фактов».

Профессор М.Гольдсмит в 1920-х годах подчеркивал, что работа Н.Н. Ладыгиной-Котс интересна по точности,

Признание мировым научным сообществом

тщательности и неизменному старанию не опустить ни одного факта, не позволяя ни одному случайному обстоятельству исказить результаты опыта. К этим качествам присоединяется умение, с которым экспериментатор смог поставить себя в контакт с животными, иногда не прибегая к принуждению. В 1935 году в Москве выходит в свет книга Н.Н. Ладыгиной-Котс «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях». Позднее Р.Йеркс (1936) отмечал: «Г-жа Котс — талантливейший наблюдатель, чуткий и хорошо эрудированный, с преданностью и исключительной вдумчивостью описывающий в этом тщательном труде различные выражения и психологические черты у шимпанзе и человека.» Этот том есть прежде всего иллюстрированный и описательный очерк эмоциональных выражений у шимпанзе и человеческого дитяти, и хотя иллюстрации прежних томов г-жи Котс были великолепны по качеству и высокой научной ценности, настоящая серия иллюстраций превосходит прежние во всех отношениях. Они являются богатейшим источником познания, очаровывающим внимание тех, кто занимается проблемами психобиологии».

«В одном из изданий французской энциклопедии, — писал Г.З. Рогинский (1948), — данные Н.Н. Ладыгиной-Котс об эмоциях у обезьян становятся рядом с данными из исследований «О выражении чувств» Ч. Дарвина».

Накануне печально известной сессии двух академий (1950), тяжело отозвавшейся на судьбе исследований в области зоопсихологии, Л.Г. Воронин, В.А. Тих и др. писали: «В России обезьяны были использованы впервые как объект изучения в 1912 году известной исследовательницей в области зоопсихологии Н.Н. Ладыгиной-Котс (Москва, Музей им.Дарвина). Как и другие пионеры, изучавшие приматов, она приобретала и содержала обезьян (макак и шимпанзе) на свои личные средства. Несмотря на ограниченные материальные возможности, Ладыгиной-Котс удалось добиться таких результатов, которые сделали ее имя одним из наиболее популярных среди современных приматоведов во всем мире.

В настоящее время немыслимо ни одно исследование по антропоидам и по общим проблемам дарвинизма, в которых можно было бы обойти молчанием эти выдаю-

щиеся работы, охватившие вопросы морфологии, биологии и особенно поведения шимпанзе» (1948).

Приведенные выше отзывы-свидетельства как нельзя лучше высвечивают основные черты научного стиля Н.Н. Ладыгиной-Котс. Это прежде всего широкая образованность и профессиональная эрудиция, а также полнейшая самостоятельность ее исследований. Анализируя получаемые данные, она никогда не пыталась интерпретировать их с позиции доминирующего научного течения. Так, будучи приверженной идеям Ч. Дарвина, она занимает прямо противоположную ему позицию, выделяя в отличие от него качественное несходство обезьяны и человека. В этом своем понимании она оказывается выше и теоретических положений В.Келера, одновременно с нею проводившем свои знаменитые опыты с шимпанзе. Как известно, В.Келер не видел принципиальной разницы в интеллекте обезьяны и человека. Н.Н. Ладыгина-Котс, напротив, со всей определенностью еще в работе «Исследование познавательных способностей шимпанзе» (1923) заявила, что обезьяна никаким образом не человек. Тем самым она сразу заняла позицию, позволившую ей впоследствии верно наметить антропогенетически значимые черты психики антропоидов и показать принципиально важные приобретения человека.

Такую же самостоятельную позицию Н.Н. Ладыгина-Котс заняла и в отношении бихевиоризма, нового, мощного течения, оказавшего в 1920–1930-х годах серьезное влияние на последующее развитие психологической науки в США и других странах. Рассматривая широко применявшийся в школе Дж. Уотсона метод «проблемных клеток», она критически оценила его с позиций зоолога, знатока естественного поведения животных. В классическом варианте методики животное помещается внутрь клетки и может выйти из нее, лишь отомкнув запор, расположенный на внутренней стороне дверцы. Этот вариант искажает картину решения «задачи» эксперимента, так как животное бывает сильно возбуждено, реализуя свой «рефлекс свободы», как это состояние именовал И.П. Павлов. В опытах, проведенных с макаком-резусом с 1917 по 1919 г., Н.Н. Ладыгина-Котс избрала иной, щадящий животное вариант, она использовала проблемную клетку как вместилище для лакомой приманки, которую животное могло

достать, отомкнув снаружи клетки один из многочисленных хитроумных замков, применявшихся последовательно. Модификация «проблемной клетки», по Н.Н. Ладыгиной-Котс, снимает с животного стрессогенность обстановки эксперимента в первоначальном варианте и демонстрирует важность учета исследователем субъективного фактора комфортности для подопытного животного. В этой экспериментальной работе, получившей при издании подзаголовок «К вопросу о «трудовых процессах» низших обезьян», автор, как и в предыдущей монографии, пытливо ищет верхний предел психических возможностей приматов при решении ими сложных, но в видовом отношении адекватных практических задач. Если сторонниками поведенческой школы пробы и ошибки животного рассматривались как своеобразные помехи на пути к цели, то Н.Н. Ладыгина-Котс значительно раньше, чем И.П. Павлов (1936) показала, что пробы, как и ошибки животного, не случайны: они имеют закономерный характер и ведут к приобретению опыта, который ориентирует животное в выборе дальнейших действий.

Н.Н. Ладыгина-Котс считала, что в исследовании психики животных, в частности обезьян, ведущее значение имеет не только соответствие методики задачам эксперимента, но и ее функциональная комфортность для испытуемого. Надежда Николаевна любила животных, тонко чувствовала их состояние, добивалась расположения, доверия к себе и только потом вводила их в мир эксперимента, всегда адекватного природным потенциальным возможностям испытуемых. Именно этот подход обеспечил Н.Н. Ладыгиной-Котс получение глубоких и обширных фактических данных.

Через любовь к животным в мир эксперимента: метод сплошного протоколирования, документальные фотографические серии, эксперимент

Помимо записей по методу сплошного протоколирования поведенческих реакций подопытных животных, этот материал был представлен также и в форме многочисленных документальных фотографических серий, в создании которых принимал деятельное участие А.Ф. Котс, а позднее и в сотнях метров научных кинофильмов, которые она создавала и анализировала при участии своего сына Рудольфа Александровича Котса, впоследствии научного сотрудника одного из институтов АПН СССР (ныне РАН).

Все полученные данные тщательно анализировались, разносились в десятки таблиц, диаграмм, суммарных гра-

фиков и смысловых резюме по отдельным разделам экспериментов. На основании этой первичной количественной и качественной обработки, включавшей пок кадровый анализ фото- и киноматериалов, исследовательница переходила к осмыслению и обобщению данных, полученных в результате титанического и всегда вдохновенного труда. Обработка экспериментальных данных, их анализ, работа с текстами дневников и протоколов опытов велась Н.Н. Ладыгиной-Котс с применением тонких методов и выливалась в неоспоримые по их доказательности научные положения и выводы.

Сохранилась интереснейшая фотография: Н.Н. Ладыгина-Котс за своим письменным столом работает над материалами протоколов. Стол покрыт буквально горой бумаг, к каждой из которых подклеены полоски бумаги, на которых Надежда Николаевна писала свои соображения по ходу просматривания данных. Такой же метод был свойствен ей и при редактировании и правке научных текстов. Обращает на себя внимание особое выражение лица Надежды Николаевны на этой фотографии: высшая степень сосредоточенности и интереса к содержанию анализируемой информации.

Культура научных публикаций

Особой гранью творческого облика Н.Н. Ладыгиной-Котс, несомненно, являлась ее литературная работа. Она относилась с высокой ответственностью к текстам своих книг, статей, докладов. Отличительной чертой практически всех монографических публикаций Н.Н. Ладыгиной-Котс является прекрасная и предельно полная представленность в них фактического материала и всех нюансов метода, методик, эксперимента. Каждый при желании мог бы повторить ее эксперименты. Удивительно, но даже в конце 1950-х годов при все усиливающемся дефиците бумаги для научных изданий ей удалось в своей книге «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян» (1959) дать в приложении (с. 311–395) протоколы уникальных опытов. Сейчас же почти невозможно представить себе монографию с протоколами!

Ее книги содержат бесценный фактический материал, позволяющий делать более широкие обобщения по сравнению с теми, которые с академической осторожностью сделаны самим автором. Перечитывая работы Н.Н. Ладыгиной-Котс сегодня, понимаешь, что они

еще и школа, хорошая академическая школа для современных исследователей.

Совокупно весь фактический, аналитический и теоретический материал, представленный в изданных и неизданных работах Н.Н. Ладыгиной-Котс, — эволюционной психологии.

Для Н.Н. Ладыгиной-Котс проблема филогенетических предпосылок человеческой психики не замыкалась на результатах исследования поведения антропоморфных обезьян. Их восприятие, эмоции, память, интеллект она изучала в широком эволюционном контексте и рассматривала развитие психики, начиная с простейших и кончая человеком. Это позволило ей, с одной стороны, рельефно показать специфику высших психических функций, присущих приматам в сравнении с психическими компонентами более простых по организации нервной системы животных. С другой стороны, дало возможность усмотреть конкретные показатели качественного различия психики высших обезьян и человека (ребенка). В процессе эволюции, писала Н.Н. Ладыгина-Котс, возникает все большая пластичность в уравнивании организма и внешней среды, достигающая наивысшего развития у сознательно мыслящего человека. Известно, что пластичность поведения обезьян, ближайших родственников человека в среде животного мира, является базой для появления у них антропогенетически значимых черт психики.

Н.Н. Ладыгина-Котс подчеркивала, ссылаясь на данные Fr.Filney (1923), что человек имеет общих с обезьянами 623 анатомических признака и 396 признаков, общих с высшей обезьяной шимпанзе, по строению мозга.

Не менее важным, по мнению Н.Н. Ладыгиной-Котс, является и то, что для обезьян характерным является высокий уровень их рецепции, процессов восприятия. Тонкость зрительных дифференцировок у них теснейшим образом связана с двигательной сферой, которая у низших обезьян является ведущей, а у высших уступает это место зрительному восприятию, что специфично для человека.

Анализ моторных навыков макаки, проведенный Н.Н. Ладыгиной-Котс, показал, что опыт адекватного восприятия ситуации, складываясь в процессе практического освоения динамических свойств объекта, может частично выполнять ориентирующую роль в ходе после-

Эволюционист

Исследования восприятия и мышления приматов

дующего решения обезьяной экспериментальных задач. Несомненно значение этой способности, свойственной уже низшим обезьянам, как антропогенной. Особенно впечатляющими в этом плане были данные, полученные с шимпанзе Иони. При изучении его познавательных возможностей в сфере восприятия и интеллекта был применен изобретенный Н.Н. Ладыгиной-Котс метод выбора на образец. Впоследствии этот метод получил широчайшее распространение, в том числе и в исследованиях (тестировании) взрослых людей и детей, но, к сожалению, мало кто из теоретиков эксперимента и практических психологов помнит имя автора этого метода. Н.Н. Ладыгина-Котс впервые применила его в 1913 г. Используя этот метод в экспериментах, проходивших с 1913 по 1916 г., Надежда Николаевна установила, что шимпанзе обладают способностью к отождествлению различных признаков предмета и элементарной абстракции.

Миф об Иони и Руди

Дальнейший углубленный анализ поведения шимпанзе дал материалы для будущего сравнения с аналогичными, но не обезьяньими (принципиально по перспективам развития) проявлениями психической жизни ребенка. Необходимо уточнить: многие, даже весьма авторитетные психологи, читающие лекции студентам, убеждены, что Н.Н. Ладыгина-Котс «воспитывала» и наблюдала своего сына и шимпанзе в одно и то же время. Это неверно. С шимпанзе эксперименты были закончены по причине его смерти к 1915 г., а сын Н.Н. Ладыгиной-Котс и А.Ф. Котса Рудольф* родился десять лет спустя, в 1925 году.

Факты — воздух для ученого

В результате после многолетнего анализа дневниковых записей, документированных сотнями фотографических серий, выполненных мастерски А.Ф. Котсом, было проведено детальное сравнение особенностей, свободного поведения шимпанзе и ребенка в возрасте от полутора до четырех лет. Написанная по этим материалам монография «Дитя шимпанзе и дитя человека...», изданная в 1935 г., принесла Надежде Николаевне Ладыгиной-Котс мировую славу и была переведена на основные европейские языки. Главные выводы этой ра-

* Р.А.Котс здравствует и поныне, являясь свидетелем и участником научного подвига своей выдающейся матери, которая так любила его, внуков и свое еще одно совместное с А.Ф.Котсом детище — Дарвиновский музей.

боты, прекрасно иллюстрированной в основном и дополнительном томах и содержащий серии фотографий, таблиц, рисунков показали, что на фоне многих сторон внешнего сходства поведения человека и шимпанзе, их выразительных движений, проявления некоторых инстинктов, звуков, подражания, схожести двигательных игр имелось существенное различие в отношении качества эмоций, характера игр (особенно конструктивных игр человека). Отмечено также раннее проявление способности к абстрагированию у 2—3-летнего ребенка, связанное у него со словом, развитием речи. У ребенка, живущего в атмосфере социума, рано возникает символическое мышление. И это хорошо показано Н.Н. Ладыгиной-Котс на следующем материале: ребенок наделяет значением те или иные объекты, не имеющие этого значения по своей природе. Ничего подобного нет у шимпанзе, хотя проведенные уже в наши дни эксперименты Д. Премака, Р.А. и Б.Т. Гарднеров обнаружили способность шимпанзе связывать с нейтральным объектом определенную сигнальную функцию в условиях экспериментально организованного общения. Все эти факты подчеркивают огромные потенциальные возможности психики приматов при ретроспективном их учете в соответствующем звене предьистории человека.

Человек и обезьяна

Постоянно повторяемый вывод работ Н.Н. Ладыгиной-Котс (и этой в особенности) таков: *основные психические процессы человека (ребенка) и шимпанзе качественно отличаются*. Установив антропогенные потенции развития психики приматов, Н.Н. Ладыгина-Котс все свое внимание сосредоточивает на исследовании деятельности шимпанзе, стараясь установить роль различных и весьма специфичных видов деятельности в развитии высших психических функций этих животных. Идя от зоопсихологических поведенческих наблюдений, Н.Н. Ладыгина-Котс в своих работах, как она сама пишет в автобиографии, в начале своего пути во многом опиралась на идеи В.М. Бехтерева, высказанные им в книге «Психика и жизнь». Впоследствии ею были творчески освоены идеи теории деятельности, разрабатываемые целой плеядой советских психологов в 30—50-х годах и далее.

Творчество и судьба

В монографических публикациях Н.Н. Ладыгиной-Котс можно зафиксировать значительный временной пере-

Н.Н. Ладыгина-Котс с шимпанзе Иони

рыв: после книги «Дитя человека и дитя шимпанзе» (1935) следующая ее большая монография вышла только в 1959 г. Этот перерыв можно было бы объяснить внешними по отношению к науке обстоятельствами. По-видимому, объяснить молчание знаменитого ученого невозможно и без учета происходивших в эти годы громадных сдвигов в психологической и биологической науках, а также в философии и обществе в целом.

Стойкость ученого

Н.Н. Ладыгина-Котс в этот период не прерывала своей естествоиспытательской работы, продолжая наблюдения за поведением животных разнообразных видов в Московском зоопарке. Эта работа была начата ею еще в 1920 г. в связи с интересом исследовательницы к проблеме инстинкта. Особое внимание было обращено на онтогенетическое развитие инстинктов птиц: кур, гусей, фазанов, индеек, павлинов, лебедей, а также представителей врановых. Исследованию были подвергнуты также проявления и вариации следующих инстинктов: питания, защиты, нападения, полового и материн-

ского. В 1921—1923 гг. Н.Н. Ладыгина-Котс провела 30 000 опытов, в которых исследовались индивидуальные реакции 10 молодых собак одного помета и 6 молодых волков одного и того же выводка. Частично выводы из этой работы были сообщены профессору В.А. Вагнеру, опубликовавшему их в одном из выпусков своих «Этюдов по сравнительной психологии». Сама Надежда Николаевна обобщила результат данной работы в монографии «Инстинкт», к сожалению, не изданной.

За время с 1938 по 1941 г. Н.Н. Ладыгина-Котс подготовила монографию «Различение количества у животных». Краткое изложение результатов этой работы было опубликовано в юбилейном сборнике Грузинской академии наук, посвященном Д.Н. Уznaдзе.

Между тем наблюдения в зоопарке продолжались. Внимание исследовательницы было вновь обращено к антропоидам. Вместе со своей верной помощницей и знатком поведения животных Н.Ф. Левыкиной Н.Н. Ладыгина-Котс приступила к экспериментам над низшими и высшими обезьянами. В этих экспериментах исследовались как врожденные, так и прижизненно сложившиеся возможности приспособительного поведения шимпанзе. Здесь нельзя не сделать небольшое отступление: приматологи (биологи и психологи) убеждены в высоком уровне интеллекта, переживаний, эмоций шимпанзе и других высших обезьян. «Они, несомненно, животные и никоим образом не люди, — писала Н.Н. Ладыгина-Котс, — но животные, стоящие очень близко к первому маршу лестницы, называемой антропогенезом. Поэтому они нуждаются в особой заботе в местах обитания, гуманном обращении с ними (как и с другими животными) и лабораториях, зоопарках, цирках. Условия их жизни в неволе должны соответствовать степени уважения человека к своей эволюционной предыстории».

Эксперименты с шимпанзе Парисом были посвящены изучению возможностей развития гнездостроительной и орудийной деятельности. Благодаря им Н.Н. Ладыгина-Котс установила наличие у высших обезьян не только наглядно-действенного, но и наглядно-образного мышления. Вместе с тем она подчеркивала отсутствие у них способности улавливать причинно-следственные связи и опираться на них. Она вы-

явила, что интеллект шимпанзе всегда остается в пределах простейших пространственно-временных зависимостей.

Так ли это? И если, действительно, способность к улавливанию причинно-следственных связей не вырабатывается у высших обезьян, то что же лежит в основе их сложнейшего поведения, связанного с использованием вспомогательных средств при добывании приманки как в эксперименте, так и в естественных условиях жизни?

Был проведен детальный анализ решения обезьяной практических задач в ходе конструирования «дневных гнезд» из различных материалов и орудийной деятельности, связанной с «подработкой субстрата» (доска, проволока, ветви и др.) до вида орудия, потребного для выталкивания приманки из полой металлической трубы небольшого диаметра. В результате Н.Н. Ладыгина-Котс показала, что у шимпанзе образуются генерализованные (обобщенные) представления, на основе которых обезьяна в состоянии удерживать образ потребного орудия, которое необходимо в той конкретной ситуации, которая составляет для нее практическую задачу. Н.Н. Ладыгина-Котс признавала, что у обезьян прижизненно формируется орудийная деятельность, эта особенность приспособительного поведения возвышает их над прочими животными, у которых использование вспомогательных средств носит врожденный инстинктивный характер. Вопрос об орудиях у животных всегда вызывал огромный интерес.

Дискуссия по этому поводу вспыхнула в конце 1950 — начале 1960-х годов. Участниками дискуссии были антропологи, философы, психологи, отстаивавшие антропогенетическую значимость употребления орудий высшими обезьянами, в споре с историком Б.Ф. Поршневым. Н.Н. Ладыгина-Котс в данной дискуссии была на стороне Я.Я. Рогинского, М.Ф. Неструха, Г.Ф. Хрустова и других, усматривавших в орудийной деятельности высших обезьян важнейший предпосылочный фактор антропогенеза в противовес Б.Ф. Поршневу*,

* Замечу, что Б.Ф.Поршнев является одним из инициаторов изучения проблемы снежного человека в нашей стране. В Дарвиновском музее еще при жизни Н.Н. Ладыгиной-Котс и в последующие годы действовал семинар, возглавляемый Б.Ф. Поршневым, посвященный изучению проблемы снежного человека в связи с вопросами гоминоидной эволюции.

который считал, что применение обезьянами вспомогательных средств однопорядковое явление с плетением пауками паутины. Работа Н.Н. Ладыгиной-Котс об орудийной деятельности шимпанзе, в которой имеет место подработка исходного субстрата до вида орудия, соответствующего его обобщенному образу, стала важной вехой в развитии научных представлений о критерии человека*.

Главнейшие результаты этой работы, показавшей, с одной стороны, значительность инстинктивной базы поведения шимпанзе, а с другой — огромные потенциальные резервы развития и появление совершенно новых, складывающихся в ходе индивидуального опыта, форм реализации инстинктивного поведения, были представлены в книге «Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян» (1959). Книга получилась большой, фундаментальной по глубине психологической интерпретации фактов, теоретических выводов.

История издания этой книги характерна для периода, когда научная литература подвергалась стилевой шаблонизации в процессе формального, идеологизированного редактирования. От момента завершения книги автором до ее издания прошло почти 10 лет. Почему? Да потому, что после сессии двух академий, ударившей по генетике в нашей стране, в область психологии стала активно, если не сказать агрессивно, вторгаться физиология высшей нервной деятельности (ВНД). Отдельные представители этой вполне в целом уважаемой науки поняли свою общественную миссию в «материализации» психологии вообще и зоопсихологии в особенности. Это был острый момент борьбы за собственно предмет исследования в психологии. Возникали острейшие дискуссии между психологами и физиологами ВНД, в которых первые подчас шли на существенные терминологические и позиционные уступки, понимая, что общественная ситуация конца сороковых — начала пятидесятих годов складывалась (в том числе и персонально) не в их пользу. Однако постепен-

* Впоследствии эксперименты Н.Н. Ладыгиной-Котс с ее благословения и по той же исходной методике были продолжены Г.Ф. Хрустовым, показавшим, что шимпанзе при выделянии посредников никогда не прибегает к другому орудью и тем самым доказал, что «критерий человека» есть производство орудия с помощью другого орудия (Хрустов Г.Ф. Критерий человека. М., 1994).

но дискуссии стали приобретать все более академический характер, уходя от «разоблачительной» тональности в адрес психологов. В это время в Институте нормальной физиологии стал набирать популярность среди мэтров и научной молодежи интереснейший методологический семинар под руководством П.К. Анохина и А.Р. Лурии.

Своя позиция

На философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Н. Ладыгина-Котс по приглашению А.Н. Леонтьева возобновила прерванные к началу 1950-х гг. лекции по сравнительной психологии; физиологию ВНД психологам стал читать Л.Г. Воронин, один из критиков «положения в психологии»; семинары по этому же предмету вел Л.В. Крушинский. При участии Института философии, психиатрического общества, представителей общества психологов, видных физиологов и зоологов стали проходить крупные конференции по проблемам соотношения социальных и биологических факторов. В дискуссиях выступали А.Г. Спиркин, С.Л. Рубинштейн, М.Г. Ярошевский, Н.А. Бернштейн, С.Г. Геллерштейн, П.К. Анохин, А.Р. Лурия и многие другие.

Именно в этой атмосфере борения и согласия умов шла подготовка к изданию упомянутой выше книги Н.Н. Ладыгиной-Котс. Первую половину редакционного десятилетия рецензенты из числа представителей физиологии ВНД работали с Н.Н. Ладыгиной-Котс как с человеком глубоко научно отсталым, которому просто необходимо почитать труды И.П. Павлова и ученых его школы для того, чтобы правильно, т.е. с позиции теории условных рефлексов, проанализировать и оценить полученные факты.

Н.Н. Ладыгина-Котс искренне ценила личность и научный вклад И.П. Павлова, она не раз ссылалась на его мнение, на данные, полученные им и его сотрудниками в экспериментах с обезьянами, но в собственной работе она оставалась психологом и натуралистом — российским последователем Ч. Дарвина. Именно с этой позиции Н.Н. Ладыгина-Котс преодолела острую дискуссионность периода подготовки рукописи к изданию. Рецензенты с кругозором начинающего аспиранта поучали ученого с мировым именем. Поучительные беседы длились по несколько часов кряду при всегда неизменной доброжелательности и любезности Н.Н. Ладыгиной-Котс к своим «учителям».

Во время этих бесед, рецензенты много получали для своего научного и человеческого развития, и мысль о том, что перед ними «упрямый научный монстр из далекого допавловского прошлого», постепенно (я знаю это от ближайшей соратницы Надежды Николаевны Н.Ф. Левыкиной), сменилась искренним уважением и почтением (может быть, в душе). И это неудивительно. Ее роднило с И.П. Павловым огромное уважение к факту: факты — это воздух ученого — здесь они были единодушны при различиях предмета своих исследований. Вместе с тем нельзя не заметить эволюцию самого И.П. Павлова в сторону психологии. Уже определение условного рефлекса как «физиологического и психологического тож» содержит идею о возможности видеть в одном и том же объекте различные предметы исследования, т.е. возможность обсуждать, без потери объективности, психологию поведения, а не только его физиологические механизмы. Я уверена, что И.П. Павлов, будь он жив в годы этой послевоенной борьбы в стане естественных и общественных наук, занял бы объективную позицию и, кто знает, может быть, многих трагедий не произошло или к ним прибавилась бы еще одна трагедия.

Безупречная объективность в оценке психологического значения получаемых фактов была характерной чертой Н.Н. Ладыгиной-Котс. Не менее важными свойствами ее натуры были стремление к всеобщности выводов, большая осторожность в их обобщении и твердая верность своей позиции, убежденность в своей научной правоте. Это качество Надежды Николаевны было бесценным: всегда, как бы ни складывались обстоятельства, вопреки любым нажимам со стороны, она оставалась при своем мнении, умея отстаивать его в своих научных произведениях, многочисленных лекциях и докладах. Н.Н. Ладыгина-Котс могла убедительно противостоять нажиму со стороны своих прямых критиков. Манера отпора у Надежды Николаевны неизменно свидетельствовала прежде всего о ее деликатности, интеллигентности, компетентности и твердости духа, что также немаловажно, если учесть общественный резонанс научных дискуссий того времени. Было бы неправильно считать, что Н.Н. Ладыгина-Котс не была способна на компромисс или гибкость позиции, более того, она никогда не чуждалась нового,

Поддержка научного мира

была восприимчива к философским положениям диалектического материализма.

Книга, о которой здесь говорится, готовилась и вышла в свет в период работы Н.Н. Ладыгиной-Котс в секторе психологии Института философии АН СССР, куда она была приглашена в 1945 г. С.Л. Рубинштейном на должность старшего научного сотрудника. Именно С.Л. Рубинштейн и сотрудники возглавляемого им сектора (Е.В. Шорохова, Е.А. Будилова, Л.И. Анциферова и др.), преодолевая зачастую немалые трудности, помогли Н.Н. Ладыгиной-Котс издать ее последние три книги в период с 1958 по 1965 г. Для нее работа в Институте философии значила очень многое. Здесь получили поддержку материалистические, во многом первоначально стихийно диалектические убеждения Н.Н. Ладыгиной-Котс. Здесь в 1953 г. ей был вручен орден Ленина, что означало признание ее научных заслуг, она была удостоена звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

Особенной стороной бытия Н.Н. Ладыгиной-Котс было общение с людьми ее близкого круга, в который, помимо родных и давних знакомых, входили выдающиеся ученые, художники, писатели, режиссеры кино и театра, а также люди более отдаленного окружения, к которым можно было бы отнести некоторых политических деятелей из числа организаторов и кураторов науки, медицины, литературы, различных искусств и т.д.

Признание

Научная деятельность Н.Н. Ладыгиной-Котс нашла свое признание еще до революции со стороны профессоров Н.К. Кольцова, Г.И. Челпанова, А.Н. Нечаева, К.Н. Корнилова, Г.Н. Россолимо, И.Ф. и А.И. Огневых, А.Н. Северцева, В.М. Бехтерева, Г.А. Кожевникова, В.А. Вагнера, а также известнейших зарубежных ученых (Йеркс Р., Гезелл А., Клапаред Е., Осборн Х.Ф., Келер В., Келер О., Циглер, Хобгауз Л.Т., Пьерон А., Бюлер К., Дембовский Я., супруги Хайсы и др.), проявивших большой интерес к ее исследованиям, как в их начале, так и позднее, в период 30—50-х годов. Личная библиотека Н.Н.Ладыгиной-Котс содержала десятки книг, присланных или переданных ей учеными Англии, США, Франции, Германии, Японии и многими другими.

Широкая переписка и личное общение с зарубежными учеными составляют также замечательные страницы

Встречи с учеными-приматологами В
и дарвинистами — источник убеж-
денности в собственной позиции
как верной

жизни Н.Н. Ладыгиной-Котс и ее мужа А.Ф. Котса. Научное общение этой замечательной четы с зарубежными учеными было в первую очередь связано с основной целью их деятельности — созданием и развитием уникальных коллекций Дарвиновского музея в Москве.

В переписке с Томасом Гексли, внуком Ч. Дарвина, Н.Н. Ладыгина-Котс принимала самое деятельное участие. В 1936 году Дарвиновский музей посетил известный американский ученый Роберт Йеркс, основатель приматологического центра и питомника обезьян во Флориде. Есть несколько фотографий, запечатлевших Н.Н. Ладыгину-Котс и Р.Йеркса в залах Дарвиновского музея на фоне стендов с экспонатами, представляющими разнообразные виды обезьян. Этих двух выдающихся ученых роднили общие тенденции в понимании роли опыта, приобретаемого животными в процессе научения. Р. Йеркс выдвинул понятие «идеация» для обозначения центрального компонента, определяющего успешность решения практической задачи. Работы Р. Йеркса никогда не подвергались существенной критике в ортодоксально-материалистической среде постпавловской школы физиологии ВНД, но его учение об «идеациях» при упоминании расценивалось как идеалистическое, вместе с тем Р. Йеркс был куда более материалистичен, чем, например, те, кто некритично следовали мнению представителей гештальтпсихологов, почитавших «инсайт» в качестве исходной интеллектуальной способности, «заданной» свойствами восприятия. Традиции натуралистического понимания доминант развития были общими у Н.Н. Ладыгиной-Котс и Р. Йеркса. К моменту визита последнего в Москву эксперименты Н.Н. Ладыгиной-Котс по методике выбора на образец были завершены и опубликованы в книге «Познавательные способности шимпанзе» (1923). Они показали, что шимпанзе постепенно «научается», иными словами, у него формируется способность к отождествлению объектов по одному или нескольким признакам. Шимпанзе обнаруживает способность к отвлечению от несущественного и ориентированию на существенное. На основании этих опытов Н.Н. Ладыгина-Котс сделала чрезвычайно важный вывод о том, что в результате чувственного познания шимпанзе на основе наглядного соотношения предметов производит практическое обобщение, образует

«типические» общие представления. Позже, уже в пятидесятых годах, Н.Н. Ладыгина-Котс писала о наличии у шимпанзе генерализованных представлений, которые определяют во многом ориентировку в практической ситуации при решении шимпанзе конструктивных и орудийных задач.

Ученый мирового уровня

Иногда приходилось слышать мнение о том, что Н.Н. Ладыгина-Котс — превосходный экспериментатор, но не теоретик. С этим утверждением нельзя согласиться. Будучи действительно блистательным экспериментатором, к тому же работавшим так много и продуктивно, как в пору бы огромной научной школе, Н.Н. Ладыгина-Котс была и выдающимся теоретиком, пришедшим к выводам эпохального значения для отечественной и мировой психологии. Она показала раньше, чем это сделал Р. Йеркс, что животное образует в результате практического опыта действий в экспериментальной ситуации обобщение, которое впоследствии обогащает его ориентировку в ситуации и повышает результативность достижения.

Фактически теоретические выводы Н.Н. Ладыгиной-Котс о наличии у животных практических обобщений и представления Р. Йеркса об «идеациях» предвосхитили не только теорию «независимых переменных» Б. Скиннера, но и всю психологическую проблематику значения образа в построении действий (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, С.Д. Смирнов, Н.Н. Поддьяков и др.), что составляет несомненный вклад в теорию общей психологии.

Научные соратники

Продолжая линию взаимодействия Н.Н. Ладыгиной-Котс с зарубежными учеными, следует упомянуть Д. Букстона, Э. Морриса, М. Шайна, Я. Дембовского, Р. Шовена. Интересно, что замечательные ранние эксперименты по «рисованию» шимпанзе Иони и капитальные исследования Э. Морриса, показавшие огромные возможности «изобразительности» в действиях шимпанзе со всем, что может оставить след на бумаге, полотне, песке, побудили Н.Н. Ладыгину-Котс заинтересовать этим направлением исследования свою талантливую ученицу В.С. Мухину, которая, в свою очередь, успешно его продолжила. Не могу не упомянуть тут факт, что В.С. Мухина не только изучала в сравнительном плане изобразительную деятельность шимпанзе и детей, но и сама прекрасно рисовала. Кабинет

Н.Н. Ладыгиной-Котс среди прочих картин анималистического содержания долгое время украшала и картина В.С. Мухиной, на которой был изображен момент из бурной жизни ворон. Врановые издавна привлекали внимание Н.Н. Ладыгиной-Котс и кружковцев, работавших при музее под руководством П.П. Смолина («ПЭПЭЭСА») — главы, наиболее преданного делу изучения и охраны природы отряда московских юннатов. Из этого отряда выросли знаменитые профессора Московского государственного университета, на всю жизнь сохранившие благодарность Дарвиновскому музею, его особому духу, создававшемуся его обитателями — А.Ф. Котсом, П.П. Смолиным, Н.Ф. Левыкиной, таксодермистами Ф.Е. и Д.Я. Федуловыми и, конечно же, в первую очередь добрым самоотверженным гением музея — Н.Н. Ладыгиной-Котс.

Сила научной школы

Так складывалась московская школа натуралистов-естествоиспытателей Дарвиновского музея. Эта школа была необыкновенно жизнеспособна, несмотря на все трудности, которые в разные годы выпадали на долю музея, его обитателей и друзей. Трудности были самыми разнообразными. Но главные — это постоянный поиск средств на пополнение коллекции музея, ведение экспериментальной работы и борьба за новое просторное здание музея.

Помощь друзей

Еще в дореволюционное время существенную финансовую поддержку музею оказывал известный меценат и друг А.Ф. Котса граф Н.А. Бобринский. С семейством Бобринских у А.Ф. Котса и Н.Н. Ладыгиной-Котс установились самые теплые отношения на многие десятилетия, которые поддерживались в их семьях и в наши дни.

Решающую роль в приобретении полуторагодовалого шимпанзе Иони, которого Н.Н. Ладыгина-Котс изучала в период с 1913 по 1916 год, сыграл Ф.Е. Федулов, многолетний сотрудник (таксодермист) Дарвиновского музея.

Н.Н. Ладыгина-Котс упоминает многих московских ученых, врачей, фотографов, художников, помогавших ей так или иначе в ее подвижническом труде как в дореволюционные годы, так и после 1917 года.

Победа души над обстоятельствами бытия

Трудностей было немало и в годы войны 1941—1945 гг. и после нее. Я слышала, что в острейший момент жизни страны и Москвы, когда начались бомбардировки в

1941 году, обсуждался вариант переноса коллекций музея, имеющих мировую ценность, в подвалы собора Василия Блаженного на Красной площади. Можно понять, что само предположение возможности сохранения несказанных сокровищ Дарвиновского музея в таком святом и малодоступном месте свидетельствует о большом уважении и поддержке музея со стороны московских властей, правительственных и академических кругов. В дальнейшем развернулась целая эпопея борьбы за строительство нового здания Дарвиновского музея. Искались средства, искалась строительная площадка. В годы пребывания у власти Н.С. Хрущева одну из предполагавшихся для музея площадок отдали под строительство балетной школы Большого театра, что само по себе нельзя осудить. Но острое разочарование в самых, казалось бы, реальных надеждах на новое здание и реплика властителя, что, мол, пусть англичане сами строят дарвиновский музей, как мне кажется, намного сократили дни жизни Н.Н. Ладыгиной-Котс.

Человечность, любовь к людям,
готовность помочь

Может быть, именно благодаря чудовищным трудностям у людей воспитывались воля к их преодолению и жизненная стойкость их научных мотиваций. Музей, олицетворявшийся в первую очередь супругами Котс, оказывал, несмотря на подчас бедственное собственное положение, поддержку многим. Н.Н. Ладыгина-Котс не упускала никогда возможности поддержать судьбы своих учеников, коллег-ученых, сотрудников музея. Примером может служить судьба Н.Ф. Левыкиной, многолетнего друга и ассистента Н.Н. Ладыгиной-Котс. Автору этих строк Н.Н. Ладыгина-Котс представляла не только бескорыстное научное руководство и любовную поддержку интереса к эволюционной психологии, но подчас и кров Дарвиновского музея.

Н.Н. Ладыгина-Котс принимала самое деятельное участие в издании книг Я. Дембовского в СССР — «Психология животных» (1959) и «Психология обезьян» (1963). Я. Дембовский с супругой неоднократно бывал в гостях у семейства Котс в Дарвиновском музее. В 1959 году Я. Дембовский, посетивший нашу страну уже президентом Польской АН, вновь нанес визит Н.Н. Ладыгиной-Котс, и по ее совету посетил в Москве лабораторию профессора С.Н. Брайнеса, ученика известного биофизика А.Г. Гурвича, в Институте психиатрии АМН, в которой автор этих строк вела экспе-

рименты с шимпанзе. Позволю себе рассказать курьезный случай, произошедший во время его визита. В это время я проводила с восьмилетним шимпанзе Султаном эксперименты по методике Г. Ревеша, сотрудника лаборатории Е. Клапареда. Шимпанзе должен был уловить «общий принцип» перемещения приманки, в каждом последующем предъявлении в следующий, по порядку ящик. Эта методика привлекла в свое время внимание А.Р. Лурии, который в своих опытах, проведенных совместно с А.Г. Поляковой, убедился, что указанную выше задачу могут решить только дети, да и то — говорящие, т.е. трех-четырёх лет.

В моих опытах, часть из которых мы проводили позже вместе с Д.Б. Богоявленской, шимпанзе никогда не мог от начала до конца действовать правильно.

И вдруг, в присутствии Я. Дембовского и сопровождающей его лабораторной свиты, Султан абсолютно безошибочно от начала до конца опыта адресовался в те ящики, в которых была приманка. Я. Дембовский и Н.Н. Ладыгина-Котс обсуждали этот эпизод, и фантастический результат шимпанзе был отнесен Н.Н. Ладыгиной-Котс шутливо за счет обаяния президента Польской академии наук. Трудно было найти более удачное объяснение.

Н.Н. Ладыгина-Котс в послевоенные годы принимала живейшее участие в судьбе Н.Ю. Войтониса, который работал над своей книгой «Предыстория интеллекта». В этой книге впервые в истории отечественной науки была описана иерархия отношений между членами стада. Фактографический анализ подводил автора наблюдений к определению этих отношений термином «господство и подчинение». К моменту редакционной работы над рукописью монографии, ее автора, мягкого, прекрасного человека с весьма слабым здоровьем, Н.Ю. Войтониса, уже не было в живых. Книга должна была выйти и вышла в 1949 году. Н.Н. Ладыгина-Котс, редактор книги, прекрасно понимала, что термин «господство и подчинение» неминуемо вызовет критику редакционно-издательского совета, а его автор будет обвинен в социологизаторстве, что несомненно не даст книге увидеть свет в это суровое и несправедливое ко многим ученым время. Одновременно с этим и для Н.Н. Ладыгиной-Котс — благожелательного научного редактора книги точность избранного автором терми-

Юмор

Рука дающего да не оскудеет

на была не бесспорна. Многократно перечитывая рукопись и протоколы наблюдений Н.Ю. Войтониса, Н.Н. Ладыгина-Котс внезапно нашла понятие, которое как нельзя более точно отражало суть стадных взаимоотношений обезьян: соподчинение! Книга была спасена, а приматология обогатилась весьма емким определением, отвечающим фактам и духу анализа, проведенного выдающимся ученым — Н.Ю. Войтонисом, светлая память о котором никогда не уходила из стен Дарвиновского музея. Многолетняя дружба связывала Н.Н. Ладыгину-Котс и с Г.З. Рогинским, сотрудничавшим с Н.Ю. Войтонисом, а затем и с Н.А. Тих, их сотрудницей, а позднее — автором уникальной монографии «Предыстория общества» (1971), идея которой была навешана ее учителем, Н.Ю. Войтонисом. Это были научные связи между Москвой и Ленинградом (ныне вновь — Санкт-Петербургом), которые поддерживались помимо уже упомянутых ученых также и с Э.Г. Вацуру, Б.Г. Ананьевым, А.Д. Слонимом, Л.А. Фирсовым и многими другими, находившими в Н.Н. Ладыгиной-Котс внимательного собеседника, принципиально и проницательно мыслящего ученого.

Кульминация научного поиска:
антропогенез

Будучи действительным членом Московского общества испытателей природы, Н.Н. Ладыгина-Котс особенно много внимания уделяла работе и широкому научному общению в кругу секции антропологии. Ее связывала многолетняя теплая дружба с М.Ф. Неструхом, Я.Я. Рогинским и другими антропологами, которые всегда ценили и почитали Н.Н. Ладыгину-Котс как старейшину отечественных приматологов. Ее выступления в музее антропологии всегда были событием для антропологов Московского университета, а ее статьи, посвященные антропогенетическим аспектам учения Ч. Дарвина, содержали собственное видение проблемы, ценимое антропологами.

В этой связи Н.Н. Ладыгина-Котс всегда подчеркивала, что существует качественное отличие психики человека, обусловленной его социальным историческим генозом, как достижение определенной ступени эволюционирования живых организмов. Она никогда не упрекала Ч. Дарвина (как и других) в том, что он не мог написать, находясь у истоков разработки проблемы антропогенеза, но, напротив, подчеркивала его достижения. В своей статье, посвященной 80-летию со дня смерти

великого ученого, Н.Н. Ладыгина-Котс писала следующее: «Мы не можем не подчеркнуть значение трудов Дарвина как основателя идеи эволюции, как основоположника сравнительной психологии, как ученого, внедрившего в науку исторический генетический метод исследования, как вдумчивого исследователя, пытавшегося понять генезис и развитие психических способностей в процессе эволюции организмов. На базе естественнонаучных данных с материалистической точки зрения Дарвин раскрыл биологические предпосылки появления специфически человеческих черт и доказал психологическое родство человека с животными».

Один из центральных фрагментов экспозиции Дарвиновского музея всегда был посвящен эволюции приматов и антропогенезу. Некоторые скульптурные изображения неандертальцев, человека кроманьонского типа, были изваяны для музея знаменитым скульптором и антропологом М.М. Герасимовым, который много общался с Н.Н. Ладыгиной-Котс. Постоянным консультантом этого раздела был М.Ф. Неструх, очень нежно и с глубоким уважением относившийся всегда к Н.Н. Ладыгиной-Котс. Этот известный антрополог всегда душевно поддерживал обитателей Дарвиновского музея и учеников Надежды Николаевны. Надо сказать, я не случайно написала «обитателей». Дело в том, что семейство Котсов и часть служащих Дарвиновского музея жили в помещениях непосредственно при музее. Н.Н. Ладыгина-Котс с мужем и сыном Рудольфом, а позднее и семья последнего занимали три комнаты внизу (столовая, комната Рудольфа, спальня Надежды Николаевны) и две комнаты сверху — кабинет Александра Федоровича и кабинет Надежды Николаевны. Все эти апартаменты к моменту моего (школьницей-девятиклассницей) появления в 1949 году и вплоть до кончины Н.Н. Ладыгиной-Котс в 1953 году имели весьма романтический вид, сочетавший присутствие музейных экспонатов прямо в жилых комнатах с огромным количеством книг, рукописей, картин, скульптур, которые отчасти принадлежали музею, отчасти — семейству Котсов. Трудно было отличить музейную работу от повседневного, сведенного к минимуму быта этих высокоинтеллигентных людей. Я никогда не видела Н.Н. Ладыгину-Котс занятой бытовыми делами. Это была женщина, свободная для твор-

чества, для мысли. Как они жили, кто им готовил, кто убирал — по-видимому, все это происходило как-то само собой, наряду с вываркой костей очередного экспоната и перестановкой музейных стендов. Эти люди действительно возвышались над бытом, и это возвышение было тем величественнее и духовней, чем трудней было жить им, никогда не помышлявшим о комфорте в те трудные послереволюционные и послевоенные годы.

Убежденность в пользе своего дела

Они всегда думали в первую очередь о музее и о продвижении идей Ч. Дарвина в современность с учетом реалий науки XX века. А.Ф. Котс любил повторять, что посетителями музея были не только ученые, студенты, школьники, но и рабочие, красноармейцы. Особенно умилял профессора случай, когда красноармейцы пожаловали в музей на его популярную лекцию о дарвинизме в конном строю. Замечательно, что и А.Ф. Котс, и Н.Н. Ладыгина-Котс приняли революцию, перевернувшую жизнь огромной страны и их собственную, прежде всего как счастливое условие приобщения широких слоев населения к достижениям науки и, в частности к дарвинизму. Просветительство было еще одним большим делом их жизни. Такова сама суть музейной работы. Этим обстоятельством объясняется интерес к Дарвиновскому музею и внимание к его основателям со стороны ряда политических (Крупская Н.К., Бубнов А.С.) и общественных деятелей того времени (Петров Ф.Н., Горький А.М. и др.), организаторов и деятелей науки, которые в разные годы поддерживали музей, посещали музей, встречались с А.Ф. Котсом и Н.Н. Ладыгиной-Котс, вели с ними переписку. В трудные для музея времена Н.Н. Ладыгина-Котс обращалась с просьбой о поддержке к А.М. Горькому, который горячо откликнулся на ее призыв. Поддерживались также теплые отношения с К.И. Чуковским.

Красавица и поэт

В один из дней (в 1920-е гг.) Н.Н. Ладыгина-Котс, проводившая наблюдения и эксперименты в Зоопарке, где в это время директорствовал А.Ф. Котс, привлекла внимание прогуливавшегося там В.В. Маяковского. Поэт был потрясен ее красотой и серьезностью. Кажется, где-то среди его строк есть упоминание о красавице, которая, пристально наблюдая за зверьем, не обращает внимания на поэта. Как бы там ни было, но поэт и уче-

ная дама отменялись письмами, как мне стало известно от Н.Ф. Левыкиной и Рудольфа.

С людьми мира искусства Н.Н. Ладыгина-Котс поддерживала теснейшие и весьма содержательные связи. Так, целая плеяда блестящих художников-анималистов и скульпторов на протяжении ряда десятилетий принимала участие в создании шедевров-картин и скульптур, посвященных иллюстрации в стенах Дарвиновского музея жизни и деятельности Ч. Дарвина, ученых-предшественников, современников и последователей великого эволюциониста. Огромное число картин было посвящено различным сюжетам из эволюционного прошлого Земли и ее обитателей. Полотна, иллюстрирующие экспериментальные доказательства справедливости дарвиновского толкования происхождения видов, процессов адаптации животных к экологическим нишам своего обитания. Блестящая серия картин, воспроизводящих на полотне классические моменты опытов В. Келера, В.А. Вагнера, самой Н.Н. Ладыгиной-Котс с обезьянами и другими животными.

Поэтичность природы для пользы
дела: ученый и художники

Наиболее близкими и много работавшими для Дарвиновского музея были В.А. Ватагин, К.К. Флеров, В.В. Трофимов (сын сестры Н.Н. Ладыгиной-Котс — Олимпиады), С.С. Уранова, А.Л. Лушников, А.Н. Комаров, Н.Н. Кондаков, О.Ф. Хлудова, Езучевский, М.М. Герасимов и др. С каждым из них Н.Н. Ладыгину-Котс и А.Ф. Котса связывало долгое знакомство. В стенах Дарвиновского музея велись деловые и дружеские беседы, в ходе которых определялось содержание их произведений, обсуждались особенности выразительных средств и композиции. Работа шла по материалам коллекции Дарвиновского музея, посвящалась анализу набросков и этюдов этих художников-натуралистов. В творческих дискуссиях принимали участие приглашенные ученые, сотрудники музея. Замечательно участие Н.Н. Ладыгиной-Котс в процессе создания художественных полотен, как знатока и консультанта в области типического поведения, запечатления его момента в рисунке и скульптуре. Не без влияния Н.Н. Ладыгиной-Котс происходило, например, становление удивительной способности В.А. Ватагина к запечатлению на холсте, в глине, в мраморе и бронзе главного и наиболее выразительного и типического в

позе животного. Огромный психологизм облика животного, отражение в его облике специфического внутреннего мира, достигаемого художественными средствами на основе тонкого знания видоспецифических особенностей движений торса, конечностей, хвоста; учет мимики и того, что дает каждому животному его жизненный опыт, т.е. черт индивидуальности — все это постигалось не только собственной интуицией и знаниями, но и благодаря научным экскурсам в поведение животного со стороны Н.Н. Ладыгиной-Котс, которая неизменно доброжелательно, если не сказать любовно, относилась к художникам — соратникам и друзьям ее дома — Дарвиновского музея в Москве.

Н.Н. Ладыгина-Котс была превосходным консультантом не только для художников-анималистов, но и достаточно часто выступала в качестве заинтересованного и компетентного собеседника для писателей и натуралистов, пишущих о животных (Песков В.М., Онегов, Скребицкий и другие), а также и для кинематографистов. Помню, она с большим уважением отзывалась о Р. Кармене, снявшем документальные ленты о животных.

Научная школа сильна учениками

Но особенно много Надежда Николаевна общалась с дрессировщиками. По-моему, она относилась к ним как к экспериментаторам. Она в давние времена была знакома с В.Л. Дуровым, талантливейшим артистом и знатоком поведения животных. В конце сороковых — начале пятидесятых годов и позже Н.Н. Ладыгина-Котс поддерживала дружеские и научные отношения с Анной Владимировной Дуровой, дочерью В.Л. Дурова, которая собрала под своим крылом в эти годы ряд молодых специалистов, ставших со временем крупными учеными в области зоопсихологии, общей психологии, кинологии и дрессировки животных в научных, служебных и сценических целях. Все из тех, кого я имею в виду, в той или иной форме получали идейную научную поддержку со стороны Н.Н. Ладыгиной-Котс. Это прежде всего и сама А.В. Дурова, ставшая членом общества психологов по секции сравнительной психологии, которой со дня основания в 1960 г. руководила Н.Н. Ладыгина-Котс.

Среди тех, кто начинал в Дуровском уголке, были Я.А. Пономарев, К.Э. Фабри, М.А. Герд. Из числа специалистов по служебной дрессировке к Н.Н. Ладыгиной-Котс постоянно приходили на семинары, прово-

димые ею в Дарвиновском музее, известные специалисты А.П. Орлов, К.С. Ахлебининский. Непосредственными учениками Н.Н. Ладыгиной-Котс в период конца 40—50—60-х годов стали В.С. Кукушкина, М.А. Герд, К.Э. Фабри, а также А.Л. Герман, В.С. Мухина, С.Л. Новоселова, З.М. Каминская, Л.Д. Чайнова. Неизменным ассистентом и другом, научным соратником Н.Н. Ладыгиной-Котс, а также ее помощницей «по работе с научной молодежью» была незабвенная, всеми обожаемая Наталья Федоровна Левыкина.

Источник силы научной школы
Дарвиновского музея

Можно ли считать, что упомянутые ученые, пришедшие к Надежде Николаевне еще школьниками и студентами, составили ее школу? По-видимому, так и было, но здесь необходимо отметить, что эта зоопсихологическая школа вливалась в школу Дарвиновского музея, более обширную, имеющую к моменту нашего вхождения под ее сень почти полувековую историю, уходящую своими корнями в историю дарвинизма и российскую школу естествоиспытателей, натуралистов и антропологов, исповедовавших дарвинизм, нашедший в России, можно сказать, свою вторую родину... Это означало наличие широких исторических связей Дарвиновского музея прежде всего с Московским университетом, с Высшими женскими курсами, где преподавали в дореволюционное время университетские профессора, с Академией наук, с широкими кругами зарубежных ученых-естественников. Таким образом, школа Дарвиновского музея дорогого стоит. Не случайно эта школа продолжает развиваться. Десятки ныне известных ученых в студенческие годы (а иной раз и будучи школьниками-кружковцами П.П. Смолина, бесценного сотрудника Дарвиновского музея и великолепного натуралиста-полевика и музейщика, друга семьи Котсов) были увлеченными участниками кружков и семинаров, которые в Дарвиновском музее вели А.Ф. Котс, Н.Н. Ладыгина-Котс, П.П. Смолин и те из уже «выросших» бывших кружковцев, кто хотел и мог работать совершенно безвозмездно с научной молодежью.

Да, школа Дарвиновского музея — прекрасная, широко открытая для людей и идей школа. В этом, а также в непоколебимой верности идеям дарвинизма и в целом материалистической науке об эволюции организмов и сила этой школы.

Ученый-эволюционист — основоположник отечественной школы эволюционной психологии

Надежда Николаевна Ладыгина-Котс, будучи убежденным эволюционистом в области понимания происхождения и развития психики животных и человека, была чрезвычайно близка идеям деятельностного подхода, отдавая дань уважения его основателям Л.С. Выготскому, С.Л. Рубинштейну, А.Н. Леонтьеву, которые в свою очередь ценили ее труды в области сравнительной психологии и зоопсихологии. Ее классические работы, посвященные развитию и характеристике психики приматов, сделали ее виднейшим в мире приматологом и снискали признание в антропологических кругах.

Говоря о школе Н.Н. Ладыгиной-Котс, нельзя не упомянуть о том плодотворнейшем периоде ее творчества, который был связан с ее работой в секторе психологии Института философии АН СССР, возглавлявшимся С.Л. Рубинштейном. Н.Н. Ладыгина-Котс помимо Сергея Леонидовича, который всегда поддерживал ее и стремился создать для нее максимально благоприятные условия для ведения экспериментов и теоретической работы, тесно общалась с А.Г. Спиркиным, Е.В. Шороховой, Е.А. Будиловой, А.А. Анциферовой и другими сотрудниками, которые несомненно испытали на себе «ауру» ее научной глубины, интеллигентности и человеческого обаяния.

Об этом говорили в своих выступлениях на 110-летнем юбилее Н.Н.Ладыгиной-Котс в новом великолепном здании Дарвиновского музея С.Л. Новоселова, Е.В. Шорохова и А.А. Анциферова, показавшие в своих выступлениях роль работ и обрисовавшие жизненный путь Н.Н. Ладыгиной-Котс, значение ее трудов для общей психологии и высокий пафос ее личности. На этом весьма представительном научном заседании выступили также и «научные внуки» Н.Н. Ладыгиной-Котс — ученицы ее ученика, известного этолога и зоопсихолога К.Э. Фабри, доктора наук М.А. Дерягина, М.Л. Бутовская, Г.Г. Филиппова. Юбилей проводился под эгидой Дарвиновского музея (директор Дарвиновского музея — А.Я. Клюкина), Московского отделения Всероссийского общества психологов (председатель Д.Б. Богоявленская), Российской академии естественных наук (председатель отделения дошкольного образования и детского творчества Л.А. Парамонова).

Юбилейное заседание показало, что школа Н.Н. Ладыгиной-Котс живет и продолжает дело этого великого ученого, являющейся гордостью отечественной науки. Признание Н.Н. Ладыгиной-Котс в качестве выдающегося ученого-эволюциониста уже в наши дни прозвучало в статьях (Новоселова С.Л.) о ее жизненном пути в честь ее 100-летнего юбилея в «Психологическом журнале» (1989), а ранее в журнале «Вопросы психологии» (1989). О значении трудов Н.Н. Ладыгиной-Котс, личности своего учителя и собственном отношении к ее личности и научном влиянии ярко написала В.С. Мухина в своих замечательных книгах «Таинство детства» (1998) и «Феноменология развития и бытия личности» (издано в 1999 г. в серии «Психологи отечества»).

Знаменательно, что глава, написанная по просьбе М.Г. Ярошевского, о жизни и научной деятельности Н.Н. Ладыгиной-Котс была помещена в роскошном томе «Выдающиеся психологи Москвы», выпущенном к 850-летию юбилею г. Москвы. Не скрою, что как человек, много лет работавший рядом с Н.Н. Ладыгиной-Котс и автор этой главы, посвященной ей, я испытываю чувство гордости, так как имя моего учителя в этой книге стоит рядом с именами А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина, С.Л. Рубинштейна, внесших вместе с другими выдающимися психологами отечества свой бесценный вклад в развитие мировой психологии.

В мае 2001 г. мне довелось участвовать в проводившихся в г. Пензе торжествах в память о Н.Н. Ладыгиной-Котс, посвященных открытию мемориальной доски (скульпторы — народный художник Калмыкии А.С. Хачатурян и А.С. Кныш). Доска была установлена на здании 1-й женской пензенской гимназии (построена в 1801—1803 гг. по проекту петербургского архитектора И.Ф. Китнера), которую всемирно известная в научных кругах дочь пензенской земли окончила в 1907 году с золотой медалью. Мемориальная доска была открыта главой администрации г. Пензы в присутствии студентов, преподавателей Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, участников Всероссийской конференции, посвященной памяти Н.Н. Ладыгиной-Котс, представителей интеллигенции г. Пензы.

Выдающийся ученый

Н.Н. Ладыгину-Котс иногда считают ученым эмпирического склада, экспериментатором, наблюдателем-натуралистом, имея при этом в виду, что она не теоретик. Однако такая оценка творчества Н.Н. Ладыгиной-Котс сугубо неверна. Н.Н. Ладыгина-Котс, как показывает анализ ее трудов в контексте фактов и теорий современной приматологии, общей психологии, теории стадий психического отражения, психологии развития человека в онтогенезе и в антропогенезе; в контексте физиологии высшей нервной деятельности и общепсихологического учения об эволюции организмов; в контексте современного прочтения теории Ч. Дарвина и его знаменитых последователей открыла современной науке панораму объективных данных не только интегрированных ею в теоретический контекст научного мировоззрения XX века, но и обобщенные в форме выявленных ею фундаментальных закономерностей эволюции психического, антропогенетически значимых линий, которые послужили основанием для возникновения и развития психики человека.

Общетеоретическое значение трудов Н.Н. Ладыгиной-Котс для современной психологии и теории антропогенеза очевидно. Она является, по сути, основателем нового направления (научной дисциплины) — эволюционной психологии. Эволюционная психология это — наука о развитии психики в ходе эволюции организмов, о развитии психики в филогенезе отряда приматов, о развитии психики в процессе антропогенеза. Эволюционная психология интегрирует данные многих наук и выстраивает собственную фактографию и теорию, имеющую не только общепсихологическое, но и мировоззренческое значение.

Человеческое достоинство

Личность Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс является собой пример разносторонней одаренности, яркости человеческих достоинств, порядочности, непоколебимости жизненных идеалов, исследовательской устремленности и философской полноты принятия бытия и его сознания.

Я помню 70-летний юбилей Н.Н.Ладыгиной-Котс в огромной, до краев заполненной аудитории бывших Высших женских курсов (ныне МПГУ на Малой Пироговской). Выступающие — крупнейшие ученые нашей страны: психологи, философы, педагоги, биологи, художники. И в конце: Надежда Николаевна стоит

среди моря цветов и каждому выходящему вручает букет. Такова она была и во всей своей жизни. Все, что она имела, — выдающийся ум и свое стойкое доброе сердце — она отдавала своим близким, ученикам, сподвижникам, коллегам.

теория
